

Т.И. Троянов

РУССКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

Тихон Игоревич Троянов родился в 1932 г. в Белграде, куда эмигрировали его родители. В конце войны семья, оказавшаяся на тот момент в Австрии, чтобы избежать встречи с органами госбезопасности страны-победительницы, самостоятельно перейдя Альпы, переехала в Швейцарию. Здесь Тихон Троянов окончил среднюю школу, затем юридический факультет Лозаннского университета и начал внештатно сотрудничать как письменный переводчик с международными организациями — ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ. Позже защитил в Лозанне докторскую диссертацию и открыл в Женеве юридическую фирму. В 1992 г. открыл швейцарский филиал своей фирмы в Москве. Как юрист участвовал в организации Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

В конце войны, в мае 1945 г., наша семья находилась в западной Австрии. Мой отец был во время Гражданской войны в России добровольцем у Врангеля, и ему явно не хотелось попасть в руки СМЕРШа, а союзники иногда выдавали и старых эмигрантов. Поэтому было решено перейти в Швейцарию через Альпы, что было опасно и трудно. Мы шли по глубокому снегу пять дней и, несмотря на невероятные трудности, дошли до Швейцарии и осели здесь. Мой отец стал священником в городе Лозанна на берегу Женевского озера, я сам получил там юридическое образование, защитил докторскую диссертацию по советскому праву, а потом, после различных перипетий, работал адвокатом в Женеве и даже открыл представительство нашего офиса в Москве, где прожил с женой четырнадцать лет. Кстати, как юрист участвовал в организации Дома русского зарубежья.

Русская эмиграция в Швейцарии — это огромный пласт истории. Я остановлюсь только на XX в. и то лишь на деятелях культуры: здесь жили и трудились Стравинский, Питоев, Рахманинов, Иван Ильин, Набоков, Солженицын и многие, многие другие. Но я буду говорить только о тех, кого я знал лично, а также о Русском литературном кружке, в создании которого я принимал активное участие.

Итак, в 1964 г. мы с друзьями начали устраивать в Женеве доклады на русском языке на «русские темы». Первый доклад мы организовали с моей сестрой. Пригласили Наталью Тарасову — редактора литературного журнала «Грани»,

который издавался во Франкфурте-на-Майне издательством «Посев». Я сам работал в этом издательстве в 1953–1954 гг. и был с ней хорошо знаком. Доклад она прочла о творчестве Окуджавы, которым тогда в эмиграции стали интересоваться. Он вызвал определенный интерес в эмигрантской среде, и мы решили продолжать это начинание. Доклады проводились несколько раз в году на литературные темы, докладчиками были исключительно эмигранты. В то время из Советского Союза к нам никто не смог бы приехать. Более того, советским сотрудникам в международных организациях в Женеве строго запрещалось ходить на наши встречи.

Большое содействие нам сразу оказал профессор Марк Львович Слоним, самый молодой член Учредительного собрания в 1918 г., известный специалист по русской литературе (в частности, известна его нашумевшая книга «Три любви Достоевского»). Он взял под свою опеку наше молодое начинание, всячески нам покровительствовал и прочел один из первых докладов, кажется, о Бунине.

В 1966 г. кафедру русской литературы в Женевском университете занял французский профессор Мишель Окутюрье, и мы предложили ему возглавить наш Кружок и перенести его деятельность в университетские стены. Что и было сделано. Кружок стал официально называться «Русский литературный кружок» («Cercle littéraire russe»). С годами его название изменилось, он стал именоваться «Русский кружок Женевского университета» и существует поныне, а недавно отпраздновал свое пятидесятилетие!

В 1972 г. кафедру русской литературы в Женевском университете возглавил известный славист профессор Жорж Нива, который стал, в свою очередь, председателем Кружка и успешно руководит им по сей день.

За эти пятьдесят лет в рамках Кружка выступили сотни русских и иностранных специалистов по русской литературе, писателей, поэтов, музыкантов, бардов. Теперь, конечно, докладчики приезжают к нам в основном из России.

Достаточно перечислить имена Галича, Синявского, Некрасова, Амальрика, Окуджавы, Вейдле, Бродского, Юрского, Струве, Солоухина, Горбаневской, Аверинцева, чтобы понять, какую роль Кружок сыграл в развитии культурных связей с Россией.

Единственный неудачный случай у нас произошел с Набоковым, которого я решил пригласить в первые годы существования Кружка и который тогда жил в Монтрё на берегу Женевского озера. Слоним меня отговаривал это делать, предупреждая, что Набоков высокомерно откажется. Что и произошло. Я получил отрицательный ответ, и не от самого писателя, а от его супруги — видимо, чтобы у меня не осталось даже автографа.

Кружок успешно продолжает свою работу под блестящим руководством профессора Нива, значительно расширив ее: теперь, помимо докладов, иногда показываются фильмы и устраиваются вечера поэзии, концерты, круглые столы. За эти пятьдесят лет Кружок действительно прорубил окно в Россию и стал активным участником сближения русской культуры с Западом.

И еще о Слониме. Это был очаровательный, исключительно культурный и доброжелательный человек, который нам покровительствовал и всячески помогал.

Он долгие годы преподавал русскую литературу в Соединенных Штатах, а затем переехал с женой в Женеву, откуда внимательно следил за событиями в России.

Самой большой моей заслугой перед русской культурой я считаю визит Солженицына к Слониму. Когда Александр Исаевич жил в Швейцарии, я как адвокат частично вел его дела, и как только мы встретились с ним в Женеве, я предложил ему устроить визит к Слониму, что и было сделано.

В Солженицыне меня всегда поражала его целеустремленность и собранность. Как-то раз мы ужинали в женевском ресторане, и я заметил, что он все время заносил свои впечатления в записную книжку, чтобы потом использовать их в своей работе. Не терял ни одной минуты.

Еще из интересных писателей, с которыми я встречался, был Владимир Сергеевич Варшавский. С ним, собственно говоря, я познакомился еще в 1961–1962 гг. в Нью-Йорке, где мы работали на радиостанции «Свобода». Я был там корреспондентом при Объединенных Нациях, он писал скрипты о русской культуре и о культурной жизни на Западе. В конце своей жизни Варшавский переехал с женой в Женеву, вернее, во «французский пригород» Женевы Ферней-Вольтер. Он был, в частности, известен своей книгой «Незамеченное поколение», в которой описал трудную судьбу второго поколения старой эмиграции, его поиски в культурной, духовной и политической сферах, увлечения и разочарования в 1920-е и 30-е гг. Варшавский был безусловно незаурядным писателем, культурным, сугубо порядочным — и убежденным демократом.

Несколько слов о Пьере Жильяре. Этот швейцарец с 1905 г. стал преподавать французский язык сначала дочерям, а затем и наследнику Николая II. Он оставался с царской семьей до 1918 г., героически последовал с ней в ссылку и только накануне ее расстрела был отделен от нее и смог вернуться в Швейцарию. Мы встречались с ним в Лозанне, где жил Жильяр, он много и интересно рассказывал о жизни царской фамилии. В частности, он поведал нам, что во дворце твердо верили в то, что Александр I «перевоплотился» в старца Федора Кузьмича.

Вот несколько штрихов из жизни русского эмигранта в Швейцарии и его контактов с русской культурой. Россия и Швейцария — огромная тема. Достаточно напомнить роль Лефорта или династии Эйлер в русской истории и роль Александра I в становлении современной Швейцарии на Венском конгрессе в 1814 г.